

СИБИРСКИЙ ЛЕССИНГ

В статье представлены неизвестные материалы о Христиане Фридрихе Лессинге, внучатом племяннике знаменитого немецкого просветителя Г.Э. Лессинга, врача, ботаника, исследователя Сибири. Отправившись летом 1832 г. из Берлина в ботаническое путешествие по югу Сибири, он так и остался навсегда в этих краях и был в числе тех ученых, кто создал Томску репутацию культурной столицы Сибири, «сибирских Афин».

Декабрист, бывший мичман Гвардейского морского экипажа Александр Петрович Беляев (1803–1887), попавший после каторги, вместе с братом, на поселение в Минусинск, впоследствии вспоминал: «Всё, что приезжало в город из образованного класса людей, как-то: ученые иностранцы, приезжавшие попытать счастья на золоте, или ученые, командируемые с какою-нибудь ученою целью, – всё это группировалось около нас. Между этими господами были личности очень приятные. Так, два года сряду посещал Минусинск берлинец Л е с с и н г (так! – Р. Данилевский), потомок писателя, как он заявлял. Он ездил в Саянские горы для барометрического измерения гор. Это был славный молодой человек, очень умный, ученый, занимательный, но в то же время и несколько забавный по своему немецкому самолюбию. Например, он выдавал себя за хорошего ездока, тогда как был очень плохим» [1. С. 352]. Следовал проникнутый добродушным юмором рассказ о том, как несладко пришлось гостю при верховом выезде на охоту. «При отъезде в Саянск, – продолжает тот же автор мемуаров, – он пожелал и нас сделать маленькими участниками его ученых работ, оставив нам свой стеклянный термометр, и просил делать метеорологические наблюдения, что и исполнялось братом аккуратно, записывалось и потом передано ему» [1. С. 353].

Имя этого немецкого ученого энтузиаста было Христиан Фридрих Лессинг (1809–1862). Он был по образованию врачом, а по призванию естествоиспытателем – ботаником, географом, метеорологом. Отправившись летом 1832 г. из Берлина в ботаническое путешествие по югу Сибири, он так и остался в этих краях навсегда. По поводу своего родства со знаменитым немецким просветителем Готхольдом Эфраимом Лессингом (1729–1781) знакомец братьев Беляевых говорил чистую правду. Родство это было не совсем прямое, однако довольно близкое. Минусинский доктор Лессинг был одним из сыновей канцлера сословного суда в Вартенберге Карла Фридриха Лессинга (1778–1848), сына Карла Готхельфа Лессинга (1740–1812), который приходился родным младшим братом великому Лессингу и был также другом и первым биографом своего знаменитого брата [2, 3]. Таким образом доктор Лессинг, внук брата Лессинга, являлся внучатным племянником просветителя. Кстати, из трех таких внуков-племянников последнего, родных братьев доктора Лессинга, один – Карл Роберт (1824–1911), юрист, – заслуживает внимания историков немецкой мысли и литературы благодаря тому, что он стал собирателем семейного архива, в котором сохранилось немало ценных документов, имеющих отношение к жизни и творчеству Лессинга. Другой брат

нашего героя – Карл Фридрих-младший (1808–1880) – прославился в XIX в. как исторический живописец.

По пути в Сибирь доктор Лессинг задержался в Петербурге, проведя в российской столице зиму 1832–1833 гг. Его знаменитое имя, но прежде всего, наверное, любознательность и общительный характер, а также, возможно, и рекомендательные письма помогли ему завязать ряд интересных для него знакомств. В ученом кругу петербургских немцев Лессинг встретился с академиком Федором Богдановичем Фишером (1780–1854), первым директором столичного Ботанического сада, и с другим видным ботаником – Карлом Антоновичем Мейером (1795–1855), с которыми несомненно вел профессиональные беседы в связи со своими планами изучения флоры Сибири.

Другим направлением его интересов была медицина. Лессинг знакомится с врачами – терапевтом Карлом Карловичем Зейдлицем (1798–1885), будущим биографом поэта В.А. Жуковского [4], и с известным Владимиром Ивановичем Далем (1801–1872), с которым очень сдружился. Заметим, что оба эти медика были близки литературе, и, таким образом, доктор Лессинг оказался уже не только среди немцев-ученых, но в кругу российских литераторов. Знакомство с В. Далем привело нашего Лессинга в дом Николая Ивановича Греча (1787–1867), приятеля Даля и, как известно, влиятельнейшего петербургского журналиста и писателя. Несмотря на неровные отношения Н. Греча с декабристами в прошлом и с литераторами пушкинского круга в то время, в которое произошло знакомство с ним Лессинга, Греч, как мастер журнального и газетного дела, продолжал пользоваться авторитетом не только среди литературных консерваторов, но и у друзей Пушкина. Поэт рассчитывал, в частности, на то, что Греч поддержит его планы издания газеты «Дневник». При этом Н. Греч постепенно переходит на консервативно-охранительные позиции, что, по-видимому, не сразу сказалось на его личных знакомствах.

При посредничестве Н. Греча или В. Даля доктор Лессинг мог встретиться с А.С. Пушкиным. Это наше предположение основывается на строках письма Лессинга к Далю от 4 февраля 1837 г., направленного из Томска в Оренбург, где В.И. Даль (с конца июля 1833 г.) служил семь лет чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Оренбургского края В.А. Перовском. Лессинг пишет, в частности:

«Theuerster Freund,
vermuthend, daß Sie noch vor diesem Brief nach Orenburg zurückkehren werden, beeile ich mich auf Ihren letzten Brief vom 21. Novb<e>r <18>36 zu antworten. Aus einem Brief vom H<errn> Fischer aus

Petersburg ersehe ich, daß Sie bereits i Petersburg angekommen sind, aber leider krank. Ein anderer Brief vom H^{errn} Dr. Meyer theilte mir die traurige Nachricht mit, daß Ihr Freund Seidlitz gestorben sei. Neue Todesfalle *mir bekannter Personen* hat uns noch die letzte <Zeit> gebracht, ndmlich die *Puschkin's* und *Gretsch's*. Wahrlich kein geringer Verlußt für Petersburg».

«Любезнейший друг,

предполагая, что еще до получения сего письма Вы воротитесь в Оренбург, спешу ответить Вам на Ваше последнее письмо от 21 нояб<ря> <18>36 г. Из письма г-на Фишера из Петербурга я усматриваю, что Вы уже прибыли в Петербург, но, к сожалению, больным. Другое письмо – от г-на д-ра Мейера – сообщило мне печальную весть о том, что умер Ваш друг Зейдлиц. Последнее время принесло нам новые случаи смерти *знакомых мне лиц*, а именно смерть *Пушкина* и Греча. Поистине немалая потеря для Петербурга»¹.

Далее в письме Лессинг переходит к собственным делам, описание которых, несмотря на жалобы на апатию, говорит о его деятельном, энергичном характере и о планах издания путевых дневников (это издание, по-видимому, так и не осуществилось). Лессинг рассказывает Владимиру Далю:

«Von mir habe ich wenig neues mitzuthellen! Eben dieselbe Apathie gegen alles! Nur ein Brief von meinem Vater – nach langem Verschweigen – hat mir Freude gemacht, und einer vom Buchhändler Dunker aus Berlin mir einen neuen Anlaß zur lebhaftigen Berundung meines Reise-Journals gegeben. Dessen achter Theil baldigst vom Stapel ablaufen wird. Seit Mitte November wohne ich in Tomsk, reise aber noch Mitte dieses Monats nach der Goldwäschereien».

«Нового о себе могу сообщить немного! Все та же апатия по отношению ко всему! Только письмо от отца – после длительного молчания – меня порадовало, а также еще одно – от книгоиздателя Дункера из Берлина – подало мне новый повод для скорейшего завершения моего путевого дневника. Со стапелей скоро будет спущена его девятая часть. С середины ноября я живу в Томске, однако уже в середине сего месяца отправляюсь на золотые прииски»².

В этом письме нас интересует сообщение о людях, которых Лессинг называет своими знакомыми, в особенности – примечательное сообщение о смерти Пушкина. Дело в том, что роковая дуэль поэта произошла, как известно, 27 января по старому стилю (8 февраля по новому), а скончался Пушкин 29 января (10 февраля) 1837 г. Письмо Лессинга помечено, как мы видим, 4-м февраля, явно по старому стилю, т.к. в российских пределах не было никакого основания пользоваться европейским отсчетом времени. Если отнять от этой даты по меньшей мере день или два, в течение которых Лессинг мог получить почту от Ф. Фишера и К. Мейера, даты отправления которой не указываются, то получается, что письмо с сообщением о смерти Пушкина достигло Томска за три-че-

тыре дня, прошедшие между днем гибели – 29 января – и датой письма Лессинга – 4 февраля, минус предположительно день-другой. К тому же если принять во внимание, что Лессинг дожидался возвращения В. Даля из столицы в Оренбург, чтобы ответить на его ноябрьское письмо (зная уже из письма Ф. Фишера о пребывании Даля в Петербурге), а поездка через всю европейскую часть империи с северо-запада на юго-восток должна была занять две–три недели², то становится понятно, что почта из Петербурга да еще и до Томска, расположенного, как известно, на юге Западной Сибири, не могла идти менее месяца.

Остается предположить, что известие о смерти Пушкина появилось в письме К. Мейера раньше, чем поэт стрелялся на дуэли и умер от раны. Дошло же оно, как мы видим, до томского адресата почти сразу же после того, как трагедия в Петербурге действительно произошла. Перед нами, как кажется, нечто вроде мистического предчувствия гибели поэта.

Однако разгадка этого странного стечения обстоятельств могла быть вполне реалистической. Очень возможно, что Карл Мейер послал письмо Лессингу не из Петербурга, или же он был, мягко говоря, не совсем в курсе тех событий, о которых извещал своего томского знакомого. Сообщения его о смертях больше походят на слухи, чем на достоверные известия. Помимо Пушкина, люди, о смерти которых пишет петербургский ботаник, оставались к этому времени живыми. Это видно по приведенным выше датам смерти К. Зейдлица и Н. Греча. Правда, в январе 1837 г. скончался студент петербургского университета Николай Николаевич Греч, младший сын журналиста, носивший к тому же имя отца. К. Мейер мог в этом случае просто спутать сына с отцом. Нечто подобное могло произойти и в связи с Пушкиным. Дело в том, что к этому времени не было в живых другого Пушкина – Василия Львовича, дяди поэта, который и сам был довольно известным стихотворцем. Он умер в Москве, 20 августа 1830 г. Лессинг никак не мог быть лично знаком с этим Пушкиным, т.к. прибыл в Россию, напомним, лишь во второй половине 1832 г. Единственным возражением против того, что К. Мейер, сообщая о смерти Пушкина, мог спутать племянника с дядей, подобно тому, как он спутал отца и сына Гречей, является немалый промежуток во времени, прошедшего между смертью Василия Пушкина и письмом петербургского корреспондента к Лессингу. Но ведь если К. Мейер легко смешивал имена, то и дату смерти московского Пушкина он, должно быть, знал нетвердо.

Вернемся, однако, к намеку доктора Лессинга на его знакомство с А.С. Пушкиным. Если это знакомство могло произойти в Петербурге зимой 1832–1833 гг., то оно без сомнения было беглым, иначе поэт как-нибудь зафиксировал бы его. Но встретиться они могли (по крайней мере, как говорится, «теоретически») также и вскоре после этого. Осенью 1833 г. Пушкин побывал, как известно, в Оренбургском крае, на реке Яик (Урал),

¹ Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, архив В.И. Даля. Ед. хр. № 27342 / ХСХVI б 7. Л. 5. Поздней осенью 1836 г. В.И. Даль выехал в Петербург в краткосрочный отпуск. О Ф.Б. Фишере, К.А. Мейере и К.К. Зейдлице см [4].

² Так, например, Пушкин путешествовал в августе–сентябре 1833 г. от Москвы до Оренбурга не менее 20 дней, задерживаясь ненадолго в Нижнем Новгороде, Казани и Симбирске.

где искал материалы для своей «Истории Пугачева». Не исключено, что доктор Лессинг к этому времени пребывал уже в тех же краях, хотя мы знаем, что только с 1835 г. он служит «горным лекарем» при Горном управлении в Барнауле. Но с 1833 г. в Оренбурге находится также и Владимир Даль, добрый знакомый обоих – Лессинга и Пушкина. Даль тогда много общался с поэтом, помогая ему в его разысканиях [5, 6]. Не пересеклись ли где-нибудь в Оренбургских степях маршруты русского поэта и потомка немецкого просветителя? Никакими письменными подтверждениями этого мы не располагаем, кроме упоминания в письме доктора Лессинга о знакомстве его с Пушкиным. И все же...

Всего сохранилось четыре письма Х.Ф. Лессинга к В.И. Далю. Первое из них помечено Томском и датировано 18 марта 1836 г. Там доктор Лессинг подсчитывает, что вот уже 660 дней он живет в Сибири и из этого срока прослужил «горным лекарем» уже 119 дней. В немецкий текст письма Лессинг пытается вставлять русские слова и выражения, показывая тем самым, что, по примеру своего друга Даля, он деятельно изучает язык народа, среди которого живет. Следующее письмо, на котором значится дата 12 октября того же года, написано из селения Тамбар, находящегося, по описанию Лессинга, у подножия гор, в трехстах верстах от Томска и в ста верстах от «большой военной дороги». Доктор сообщает, что работает над своими путевыми записками. Третье письмо процитировано нами выше. А последнее из сохранившихся среди бумаг В.И. Даля писем его сибирского приятеля написано уже из Красноярска, 4 января 1841 г. Лессинг пишет, что в Сибири он уже шесть лет, а в России живет уже восемь лет. С 1835 г. он служит врачом при Томских золотых приисках. Новая ли это должность или все то же место «горного лекаря» – судить не беремся. Осенью 1839 г. у Лессинга появилась некая возможность устроиться в Петербурге, на должности какого-то управляющего, но отъезд так и не состоялся, и Лессинг остается в Сибири [7].

Не располагая дневниками доктора Лессинга, мы не можем указать маршруты его естественно-научных экспедиций, которые он, несомненно, предпринимал, как свидетельствуют о том воспоминания декабриста А. Беляева. О широких научных интересах сибирского медика говорит и его интенсивная работа над

путевыми записками и его письма к В. Далю, а также и к родным. Письма Х.Ф. Лессинга к родным были впоследствии опубликованы в Германии, среди материалов архива его брата [8]. Свои ботанические находки Лессинг пересылал в Петербург для пополнения академических коллекций [9].

В истории изучения флоры, климата, географии Западной Сибири имя этого ученого-энтузиаста не должно быть забыто. Доктор Лессинг был в числе тех российских интеллигентов, неважно – отечественного или иностранного происхождения, – кто создал Томску репутацию культурной столицы Сибири, «сибирских Афин», и своей деятельностью подготовил почву для основания знаменитого Томского университета. К большому сожалению, дневники, путевые записки и весь архив «сибирского» Лессинга не попали ни в Петербургскую академию наук, ни к его берлинским родственникам и находится неизвестно где, если что-нибудь вообще сохранилось. Много прочли бы мы там интересных сведений – как о природе Сибири, так и о людях, с которыми встречался ученый. Не исключено, что там можно было бы найти имя Пушкина, имена ссыльных декабристов. Возможно, именно общение с этими последними как раз и помешало карьере доктора Лессинга в 1840-х гг.

В Сибири Христиан Фридрих Лессинг нашел свой дом. Он был дважды женат. Его первая супруга – Екатерина Григорьевна, урожденная Комлевская, умерла в 1855 г.

Вторая его жена – Евлалия Ивановна, носившая в девичестве фамилию Васильева, умерла, уже вдовствуя, 25 сентября 1883 г. От этого брака у Лессинга было двое дочерей. Старшая – Мария, в замужестве Шашина (1858–1908), жила в Ачинске Енисейской губернии. Младшая дочь – Ольга (род. 1861) – вышла замуж за адвоката Николая Афанасьевича Глаголева. В июне 1908 г. она была еще жива [10]. Сохраняется слабая надежда на то, что где-нибудь на просторах России, может быть, в Сибири еще сохранились семейства Глаголевых или Шашиных, связанных родственными узами с «сибирским» Лессингом, а через него – с его двоюродным дедом, великим немецким писателем, критиком и мыслителем Г.Э. Лессингом. Но и безотносительно к своему родству сам доктор Лессинг заслуживает нашей благодарной памяти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляев А.П. Воспоминания о пережитом и пережитом с 1803 года // Русская старина. 1881. Т. 31. Июль. С. 352–353.
2. Gotthold E.L. Leben nebst seinem noch übrigen litterarischen Nachlasse // Herausgegeben von K.G.Lessing. Berlin: In der Vossischen Buchhandlung, 1793.
3. Lessing K.G. Gotthold Ephraim Lessings Leben // Von neuem mit Anmerkungen herausgegeben und eingeleitet von Otto F. Lachmann. Leipzig: Philipp Reclam jun., 1887.
4. Зейдлиц К.К. Жизнь и поэзия В.А. Жуковского. СПб., 1883.
5. Воспоминания В.И. Даля о Пушкине // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 2. С. 222–233.
6. Измайлов Н.В. Оренбургские материалы Пушкина для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки» // Пушкин: Исследования и материалы: Труды Третьей всесоюзной Пушкинской конференции. Москва; Ленинград, 1953. С. 269.
7. Письма Х.Ф. Лессинга, архив В.И. Даля (Пушкинский Дом). Л. 1–7 об.
8. Karl Robert Lessings Bucher- und Handschriftensammlung. Berlin, 1914. S. 297–315.
9. Бородин П.И. Коллекторы и коллекции по флоре Сибири. СПб., 1908. С. 66–67.
10. Buchholtz A. Geschichte der Familie Lessing. Berlin, 1909. Bd. 2. S. 353–401.